

Максим Горький

Достигаев и другие

Максим Горький Достигаев и другие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2136425

Аннотация

«Купеческий клуб. Солидно обставленная гостиная, против зрителя портрет Александра Третьего во весь рост и в шапке...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Максим Горький

Достигаев и другие

Действующие лица

Достигаев.

Елизавета.

Антонина.

Алексей.

Павлин.

Звонцов.

Варвара.

Ксения.

Донат.

Глафира.

Таисья.

Мелаиия.

Шура.

Пропотей.

Тягин.

Лаптев.

Калмыкова.

Рябинин.

Бородатый солдат.

Кузьмин.

Поп Иосиф.

Зыбин – помещик.

Губин.

Нестрашные – отец и сын Виктор.

Троеруков.

Целованьев.

Лисогонов.

Мокроусов.

Бетлинг.

Жанна.

Чугунова.

Константин, Софрон – дети её.

Действие первое

*Купеческий клуб. Солидно обставленная гостиная, против зрителя портрет Александра Третьего во весь рост и в шапке, – тучная, чёрная фигура на голубоватом фоне, за нею – какие-то колонны, они напоминают ленинградскую Биржу. В глубине сцены – широкие двери в двухсветный зал, видно эстраду, на ней – стол, покрытый красным сукном, за столом, на стене – золотая рама, портрет Николая Второго вынут из рамы, в раме торчат два красных флага. Перерыв заседания, в зале остались и беседуют несколько маленьких групп, они постепенно тают, выходя в гостиную, а из неё – в двери налево, в буфет. Направо – дверь в карточную. В уголке, около неё, сидит на краешке мягкого стула, свёртывая козью ножку, старичок **Иосиф**, поп, в мужицких сапогах, ряса выцвела, остроносый, лысоватый, в очках. Из зала выходят: **Павлин**, Порфирий Петрович **Нестрашный**, бывший городской голова и председатель местного союза Михаила Архангела, он – с палкой, прихрамывает; Кузьма **Лисогонов**, фабрикант.*

Лисогонов. Ты, отец Павлин, погоди рассказывать, я пойду чайку спрошу. (*Остановился, смотрит на портрет царя, вздохнул.*) Что, ваше величество, сынка-то у тебя – рассчитали? Эхе-хе...

Нестрашный (*садясь к столу, угрюмо*). Есть у меня догадочка, что Лениным да большевиками кадеты пугают нас. Расчётец у них такой – пугать.

Павлин. Боюсь, что в этом случае – ошибаетесь вы. Ленин – воплощение материализма, злого духа, – земной, грубейшей, дьявольской мудрости...

Нестрашный. А ты, когда во второй Думе эсером был, небесную мудрость воплощал?

Павлин. Ирония ваша едва ли уместна. Во второй Думе, если помните, духовенство было представлено весьма обильно, и в этом сказалась воля народа...

Нестрашный. Н-да... Пошли попы вприсядку...

Павлин. Взглянув же углублённо, мы увидим, что эсерство, отказавшееся от террора, вполне способно к слиянию с кадетизмом, а сей последний является наименьшим злом и – как видим – заключает в себе дальнейшее тяготение направо.

(Подходят и присаживаются к столу: Целованьев, хозяин городских боен, и Троеруков – мукомол, человек лет 50, очень похожий на Александра Третьего; о своём сходстве с царём Троеруков знает. В дверях зала Василий Достигаев беседует с Мокроусовым; Мокроусов – в штатском, он – заведует хозяйством клуба. Так же как и Достигаев, он мелькает на сцене в продолжение всего акта. Достигаев – старшина клуба – ручки в карманах, прислушивается ко всем разговорам, вступает во все беседы, оставаясь один,

задумчиво посвистывает.)

Целованьев. О чём беседа?

Павлин. Вот, Порфирий Петрович говорит, что кадеты нарочно пугают нас Лениным с братией его; пугают, как я понимаю, того ради, чтоб торговое сословие подалось влево, к ним, кадетам, в их власть...

Целованьев. А ты, отец Павлин, разве не кадет?

Павлин. никоим образом и никогда не склонюсь. Я вообще...

Достигаев (*подошёл*). Да, вообще-то вот – как?

Павлин. Казалось бы, ежели царствующая персона признана не соответствующей значению своему и делу, – изберите другое лицо. У нас ещё сохранились и благоденствуют потомки Рюрика, удельных князей дети...

(Лисогонов возвратился, официант несёт стакан чаю и – в чайнике – коньяк.)

Достигаев. Потомки, пустые котомки...

Троеруков. Во сне живём...

Лисогонов. В буфете Звонцова ругают – любо слушать!

Целованьев. Н-да... комиссар Временного правительства, вроде губернатора нам...

Троеруков (*лениво*). А давно ли он в конторе у меня сидел, дожидался смирно, когда я его позову?

Нестрашный. Что скажешь, Достигаев?

Достигаев. Слушаю.

Нестрашный. Хитришь всё.

Достигаев. Учусь.

Нестрашный. Нельзя понять – куда ты метишь!

Достигаев. А ты, Порфирий Петров, куда?

(Нестрашный молчит. Все смотрят на него, ждут. Не дождались.)

Павлин. Между прочим, гражданин Звонцов в речи своей коснулся – и весьма обидно – церкви. Среди многих обычных и легкомысленных поношений, коими господа интеллигенты привыкли обременять духовенство, указал он и на то, что, дескать, нужно устранить из богослужения древнеславянский язык, дабы сделать глас божий более вразумительным душе пасомых – наивной душе народа нашего.

Нестрашный (*угрюмо*). Наивная! Тоже, сказал! Положи-ка палец в рот ей, наивной... сукиного сына дочери!

Целованьев. С войны-то бегут и бегут.

Лисогонов. Вся Россия дезертирует...

Павлин (*возбуждаясь*). Причиною чего служит злокозненная проповедь о свободе мысли, воле народа и прочем...

Нестрашный. А во время второй Думы ты всё-таки с эсерами обнюхивался и сам всё это проповедовал.

Павлин. Утверждение – голословное. Возвращаясь к речи господина комиссара Звонцова, должен сказать: мнение его о языке ниспровергается тем фактом, что католическая церковь пользуется в службе богу языком латинским.

(Поп Иосиф, свернув козью ножку, закурил.)

Павлин. Однакож крепость и сила римской церкви от се-

го не страдает, и даже удары еретиков, подобных Лютеру...

Нестрашный. Брось, отец Павлин! Речами накормлены мы вполне достаточно, даже до тошноты.

Троеруков. Погодите, дайте послушать.

Нестрашный. Сколько ни глотай воздух, сыт не будешь...

Павлин (*сердито*). Вы, почтеннейший Порфирий Петрович, равно как и всё сословие ваше, волею грозной судьбы ввергаетесь в область политики, опаснейшую для неискущённых в ней. А потому вам необходимо знать, что всё понятное обнаруживает себя как вреднейшая людям глупость, истинная же и святая премудрость скрыта в непонятном и недоступном ухищрениям разума...

Лисогонов. Верно. Ох – верно!

Троеруков. Как во сне живём. Чёрт те что...

Павлин (*напористо*). Религия есть оружие против соблазнов и козней дьявола...

Нестрашный. Я против религии не спорю.

Павлин. И, как всякое оружие защиты, религия подлежит развитию и совершенствованию. Посему: если мы лишились светского главы – необходимо оную заменить духовной. В Москве поднят вопрос об избрании патриарха...

Нестрашный. Ты скажи, что нам делать, нам?

Лисогонов. Нам, друг дорогой, хоть сатану давай, – был бы порядок, вот как дело-то стоит.

Троеруков (*грустно*). Что-то, друзья, будто не то делает-

ся нами! Всё беседуем. А вот – бабы... им революция не мешает. Они своё дело не бросают... Огурцы – посолили, капусту – заквасили, грибы...

Достигаев. Губин идёт...

Павлин. Встреча с этим... лиходеем нежелательна! *(Быстро идёт к двери направо, заметил Иосифа.)* Ах, это вы, отец Иосиф, махорку курите? Как же это вы здесь – махорку, а?

Иосиф. Нечего покурить-то, нечего!

Павлин. Воздержитесь! Здесь – не трактир.

Нестрашный *(толкая его к двери).* Иди, а то скандал будет...

(Павлин, Нестрашный ушли, за ними Лисогонов, неплотно притворив дверь, выглядывает в гостиную. Губин идёт из зала – тяжёлый, толстый человек с оплывшим лицом и наглыми глазами. Его сопровождает Алексей Достигаев.)

Губин. Вот это и есть – она?

Алексей. Да.

Губин. Рыжая, в платье сопливенького цвета?

Алексей. Да, да... Жанна Густавовна.

Губин. Ничего, заметная стервоза! Вот эдакие бабёнки вредных лет...

Алексей. Вы хотели сказать: средних лет?

Губин. Я говорю как хочу. Вредных лет, значит – между тридцатью и сорока. Самые интересные. Понял?

Алексей. Не совсем.

Губин. Отец умнее тебя, хотя... тоже не Бисмарк! Ну, ай-да шампань лакать, баболоб.

Иосиф. Достопочтенный Алексей Матвеевич...

Губин. Чего?

Иосиф. Богом вас прошу – заплатите за гусей, коих вы перестреляли...

Губин. Ага! Это – ты? Так я же тебе сказал: подавай в суд.

Иосиф. Нет на вас суда, кроме божия...

Губин. Врёшь, есть! Пошёл прочь. И – подавай в суд. Не подашь – приеду другой раз, ещё кого-нибудь застрелю... понял?

Иосиф. Я, Алексей Матвеевич, в газету пожалуюсь на вас.

Губин. Валяй! В газету! Архиерею! Валяй... (*Ушёл в буфет.*)

(Иосиф вынул кисет, свёртывает папиросу, вспомнил, что нельзя курить махорку, и, спрятав кисет, огорчённо махнул рукой, снова сел в угол.)

Целованьев. А боится Павлин Губина!

Троеруков. Кто его, чёрта, не боится!

(Нестрашный вышел.)

Лисогонов. Подставили ему ножку попы-то.

Целованьев. Положим, это вот Порфирия Петровича тяжёлая лапка вышибла его из городских-то голов.

Нестрашный. При чём тут я? Архиерей это действовал,

после того как Губин дьякона во время обедни за волосы оттаскал.

Троеруков. Его в сумасшедший дом...

Нестрашный. Теперь для сумасшедших города строить надобно.

Лисогонов. Чу, шумят в буфете! Пойду, взгляну.

(Все ушли. Остался Троеруков, осаниваясь, поглаживая бороду, смотрит на портрет царя и в зеркало на себя. Налил коньяку, встал, пьёт, крикнул.)

Иосиф. На доброе здоровье.

Троеруков *(подумав)*. Да ведь я не чихнул.

Иосиф. Тогда – простите, ослышался!

Троеруков. Ты откуда?

Иосиф. Из слободы, из Комаровой.

Троеруков. Ага... А... чего ждёшь тут?

Иосиф. Игуменью, мать Меланию ожидаю, по её приказу. Обещала быть здесь.

Троеруков. Она – здесь. Коньяк – пьёшь?

Иосиф. Где уж нам! Самогонцу бы, да и того не сыщешь! Ох, разорется Русь!

Троеруков. На-ка, выпей!

Иосиф. Спаси вас Христос! Будьте здоровы. Ух... Какая... неожиданная жидкость!

Троеруков *(удовлетворённо)*. Ожётся? То-то. На ещё... *(Из буфета выходят: Бетлинг, за ним Достигаев и Мокроусов; перед ним, забегая то справа, то слева, – Лисогонов.)*

Бетлинг (*пренебрежительно и ворчливо*). Вы – не прыгайте! Вы – спокойно...

Лисогонов. Взволнован честью беседовать с вашим превосходительством...

Бетлинг. Позвольте, я сяду. И вы – сядьте! Ну, что же вам угодно?

Лисогонов. Мудрый совет ваш, ваше...

Бетлинг. Вы – короче, без титула...

Лисогонов. Говорят, что большевик этот – Ленин – выдуман для устрашения нашего...

Бетлинг. Как это – выдуман?

Мокроусов. Разрешите сообщить: Ленин, после ареста его шайки, бежал в Швецию. Он – лицо действительное.

(Из буфета, из зала выходят люди, окружают Бетлинга, смотрят на него. В толпе, у стены – Тятин. Вышла Мелания, села в кресло. К ней подходит поп Иосиф, кланяется, подаёт бумагу, беседует. Мелания уводит его в зал. Через некоторое время попик быстро пробирается в буфет.)

Бетлинг. Ну да! И, конечно, Швеция выдаст его нам. Вот вы, член городской управы, увлекаетесь политикой, а в городе по улицам нельзя на автомобиле ездить. Видите? Напоминаю вам, что для политики у нас есть Временное правительство...

Лисогонов. Простите! Конечно, мы – дикари, и кому надо верить – не знаем.

Бетлинг. Вот вы снова вскочили и... мелькаете, прыгае-

те...

Лисогонов. Утверждают, что большевики завелись даже в нашем городе.

Бетлинг. Нельзя придавать значения болтовне каких-нибудь базарных торговков.

Лисогонов. Это жена комиссара Звонцова говорит.

Бетлинг. Что? Не верю. Я знаю её, она благоразумная женщина.

Мокроусов. Осмелюсь доложить: большевики в городе есть.

Бетлинг. Есть?

Мокроусов. Так точно.

Бетлинг. Гм... Ну и что же они?

Мокроусов. Проповедуют социализм, так же как и социалисты-революционеры.

Бетлинг. Ну, ну, милейший, у нас всегда что-нибудь проповедуют... Большевики... В Петрограде их арестовали, а что же у нас? Надо арестовать!

Мокроусов. Спрятались, ваше превосходительство.

Достигаев. Некоторые из нас, граф, сомневаются в силе Временного правительства.

Бетлинг. Почему? Ведь вот оно арестует, ловит! Водворяет порядок...

Нестрашный. Вопрос – кто ловит и для чего? Ловят – адвокаты, профессора, интеллигенты и вообще всякая нищая братия.

Бетлинг (*утомлён*). Но – почему же так резко? Там есть почтенные люди, например – князь Львов и этот... как его?

Достигаев. Князь-то он Львов, да львы-то у него – как будто ослы.

Бетлинг (*наильно улыбаясь*). Это остроумно... но зачем же так? Мы должны доверять Временному правительству...

Нестрашный. Иные называют его – беременное; будто бы социалисты изнасиловали его.

Бетлинг (*беспомощно*). Я так не думаю...

Целованьев (*Нестрашному*). Ну, и здорово Достигаев срезал графа.

Нестрашный. Н-да... Ловок и на язык и на руку.

Целованьев. А-яй, здорово!

Бетлинг (*Достигаеву*). А как здоровье компаньона вашего, Булычова?

Достигаев. Он помер с месяц тому назад.

Бетлинг. Ах да, я забыл! Сожалею. Умный человек, своеобразный.

Лисогонов. Не так умён, как дерзок.

Целованьев. К нам, в родовое купечество, он вскочил из приказчиков.

Нестрашный. На дуре женился, а у неё – деньги. Вскочил в наш круг, возгордел счастьем, начал показывать свои качества да и оказался самодуром, вроде Алексея Губина.

Бетлинг. Ах, вот как?

Нестрашный. Вообразил, что лучше его – нет людей и

весь свет на нём клином сошёлся...

Бетлинг (*с тоской*). Почему же не начинают заседание?
(*От него постепенно отходят, гостиная пустеет. Он сидит, глядя на портрет царя, отирая рот платком. Оглядываясь на людей, подходит Троеруков, говорит вполголоса.*)

Троеруков. Позвольте узнать, ваше превосходительство, верно, что портрет на меня похож?

Бетлинг. Да, есть некоторое...

Троеруков. Ваше превосходительство, вы наш почетный староста, прошу вас: поддержите ходатайство моё...

Бетлинг. Но – позвольте: что же я могу?

Троеруков. Вы – можете! Пустяки, ваше превосходительство! Вы, как патриот, намекните, что если сына убрали, так и отцу неприлично тут висеть. А я бы взял его себе, перекрасил одежду на штатскую, на купеческую...

Бетлинг (*возмущён*). Извините, но вы... вы – с ума сошли? Вы... фантазёр! (*Встал, идёт к дверям буфета. Троеруков испуганно скрывается в комнату направо. Навстречу Бетлингу из буфета: Жанна, Елизавета, Достигаев, Зыбин.*)

Жанна (*говорит с акцентом*). Нужно покупать автомобили. Ах, ты – здесь? Я тебя искала.

Бетлинг. Послушай...

Жанна. Немножко мольчи! Я говорю: нужно делать шик, это удивляет простые люди. Богатство – удивляет, не правда?

Зыбин. И рабочий народ живёт спокойно, довольствуясь

удивлением.

Жанна. Вы всегда делаете иронию, это плохое дело! Ты всё сидел здесь, как этот...

Зыбин. Орёл на скале.

Жанна. Нет – куриса! Он ужасно много сидит.

Елизавета. И что же – высиживает?

Жанна (*грозит ей пальцем*). Н-но!

Бетлинг (*раздражённо*). Ты обещала придти через две минуты. А меня взяли в плен эти... коммерсанты, один нетрезвый, другой – сошёл с ума, остальные грубияны.

Жанна. Вот, он снова сидит! Лиза – что вы смеётесь?

Бетлинг. Политика, политика! Все точно грибами отравились. Что они могут понимать в политике, эти монстры? Я – устал!

Зыбин. Теперь даже рабочие, солдаты воображают...

Бетлинг. Ах, перестаньте, друг мой!

Елизавета. После заседания будут танцевать?

Мелания (*вышла, садится в кресло у дверей в зал*). Нашла время для пляски, умница!

Елизавета (*весело*). Почему же? Старики поговорят, разойдутся, а мы бы...

Варвара (*из буфета*). Лиза – не видала, где Андрей?

Мокроусов. В маленькой гостиной.

Жанна. Ты – расстроена, Барбиш?

Варвара. Я? Нисколько.

Зыбин. Варвара Егоровна, добрый вечер! Что, вы уже ре-

шили отрубить мне голову?

Варвара. Я – нет! Это Нестрашный и его чёрная сотня решает.

Жанна. Я не хочу политики! Я не хочу, чтобы ты, Варья, рубила голову мосье Зыбин. За что? Он – весёлая голова... Ты – умная голова, а русский народ – добрый! Он не хочет рубить головы своим дворьяне.

(Звонок в зале.)

Бетлинг. Наконец! Идём, Жанна.

Жанна. Я всегда думаю, когда говорю – дворьяне. Я долго говорила: дворники, дворнягы – маленькие собачки. Это очень смешно!

(Идут в зал. Проходя мимо Мелании, Елизавета не поклонилась ей.)

Мелания. Здравствуй, Лизавета!

Елизавета. Ах, извините! *(Проскользнула в зал.)*

Мелания. Варвара – подожди.

Варвара. Я вам нужна, тётя?

Мелания. Зову, значит – нужна! Чего это муженёк-то твой городил насчёт церкви, болван? Ты что не учишь его? Училась-училась, а учить не умеешь! Политики! Без церкви-то всем вам башки оторвут.

Варвара. Вы не поняли! Андрей говорил о приближении церкви к народу, о том, что богослужение нужно сделать проще, но эффективнее...

Мелания *(пристукивая посохом).* Страшнее надо, страш-

нее, угрознее! Ефффекты для театров оставьте.

Варвара. Простите, мне нужно мужа...

Мелания (*отмахиваясь*). Иди, иди! Другого бы поискала мужа-то, поумнее. Беги! Добегаетесь, смутьяны!

(*Встала, хочет идти в зал. Нестрашный и Мокроусов выходят из буфета.*)

Мокроусов. Подходящего человека не успел найти, Порфирий Петрович.

(*Мелания остановилась, слушает.*)

Нестрашный. Будучи у меня, в союзе Михаила Архангела, везде успевал, а теперь – не успеваешь? Странно, брат...

Мокроусов. Народ ненадёжен очень.

Нестрашный. Сам-то надёжен ли?

Мокроусов. Оскорбляете, Порфирий Петрович! Он – осторожный человек, прячется...

Мелания. Как же это, где же он прячется, ежели на митингах каждый день орёт?

Мокроусов. Я разумею – по ночам. И один никогда не ходит.

Нестрашный. Ну, ладно! Ты всё-таки... Ты – патриот, не забывай!

Мелания (*Нестрашному*). Присядь-ка на минутку. (*Сели за стол у двери направо, шепчутся.*)

Нестрашный. Следует. Только людишки-то у меня в союзе рассеялись. Теперь – такое время: всякому до себя.

Мелания. Ну, много ли надо?

(Звонцов выглянул из двери и быстро скрылся.)

Нестрашный. Да, конечно, сделаем. Ну, кажись, начинается говорильня. Идёшь?

(Пошли. Из дверей зала – Тятин; Мелания и Нестрашный смотрят вслед ему. Он сел за стол, вынул блокнот, пишет. Выскочил Звонцов, отирая лицо платком, попятился.)

Тятин *(встал)*. Любезный братец...

Звонцов. Некогда мне!

Тятин. Ничего, успеешь совершить подвиги ума и чести.

Звонцов. Это что за тон?

Тятин. Ты пустил слух, будто бы я научил Шуру похитить какие-то деньги у отца и деньги эти спрятаны мною...

Звонцов. Не смей... трогать... меня... трясти! Скандал устроить хочешь?

Тятин. Правду говоря, не плохо бы! Да я тебя и оскандалю...

Звонцов. Не напечатают! Выгонят из газеты.

Тятин *(оттолкнув его)*. Экая ты дрянь!

Звонцов. Я не знаю, кто выдумал эту сплетню, но я её не повторял. Деньги! Чего теперь стоят деньги? Я не скрою, твоя позиция неожиданна для меня. Ты так искусно прятал твои убеждения.

Тятин. Это не относится к делу.

Звонцов. И – вдруг... Странно! Ты – интеллигент... Мы, интеллигенты...

Тятин *(усмехаясь)*. Они – интеллигенты!

Звонцов. Мы являемся законными преемниками власти этих быков...

Тягин. Агитируешь?

Звонцов. Мы, люди, которым самодержавие идиотов было так мучительно...

Тягин. Брось! Я не играю в дураки. И оставь Шуру в покое. Вы там травите её. Смотри, я – смирный человек, но до времени. *(Идёт в буфет.)*

Звонцов *(отирая лицо платком)*. Негодяй!

(Варвара и Достигаев очень быстро выходят из зала.)

Варвара. А как же тётка Мелания?

Достигаев. Подумай – сама догадаешься, умница. *(Быстро прошёл в буфет.)*

Звонцов. О чём он?

Варвара. Это тебя не касается. Почему ты не позвал меня на совещание по продовольствию?

Звонцов *(сухо)*. Не нашёл.

Варвара. А – искал?

Звонцов. Поручил Мокроусову, но, очевидно, этот болван...

Варвара *(зловеще)*. Пытаешься действовать самостоятельно? Андрей, твоё выступление было неудачно. Очень. Пойми: большевики – это уже не «ослы слева», и знамя их не «красная тряпка», как сказал о них и о знамени Милюков, нет, это уже знамя анархии...

Звонцов. Ты страшно горячишься. И – говори тише, кру-

гом – люди. И почему нужно говорить сейчас? Начинается заседание.

Варвара. Слушай: мы между двух анархий, красной и чёрной.

Звонцов. Ну да, да! Я понимаю это, знаю...

Варвара. Нет! Ты не понимаешь ни трудности нашей позиции, ни выгод её...

Звонцов. Ах, боже мой! Как ты любишь учить! Но я именно так и говорил о большевиках.

Варвара (*страстно*). Нет, не так! Надо было резче. Надо бить по черепам каменными словами. Твоё ликование по поводу неудачи большевиков в Петрограде – неуместно и бес тактно. Лозунг «Вся власть Советам» – вот чем ты должен действовать на толстую кожу...

Звонцов. Ты ужасно настроена!

Варвара. Красивые речи твои...

Звонцов. Удивляюсь! Чего ты боишься?

Варвара (*шептит в лицо ему*). Ты – глуп! В тебе нет классового чувства...

Звонцов. Позволь! Чёрт возьми! Что я – наёмник твой? И – при чём здесь классовое чувство? Я – не марксист... Какая дичь!

(*Быстро идёт в зал, Варвара изнеможенно садится на стул, бьёт кулаком по столу, Елизавета идёт навстречу Звонцову из зала.*)

Елизавета. Дрюдрюшечка, солёненький мой, как люблю

тебя!

Звонцов (*сердито*). Позволь... В чём дело?

Варвара. Ведёшь ты себя, Лиза...

Елизавета. Ай! Ты – здесь? Да, Варя, я плохо веду себя. «Жизнь молодая проходит бесследно», и – очень скучно всё! Но ты – не бойся. Я Андрея не отобью у тебя, я его люблю... патриотически... нет, как это?

Звонцов (*хмуро*). Платонически. Пусти меня!

Елизавета. Вот именно – протонически! И – комически. Андрюша, после всей этой чепухи – можно танцы, а?

Варвара. Ты с ума сошла!

Елизавета. Милые губернаторы! Вы всё можете! Давайте устроим...

Звонцов (*строго*). Это невозможно. (*Освободился, ушёл.*)

Елизавета. Выскользнул... Ну... устроим маленький пляс у Жанны. Варя, приглашаю! Бог мой, какое лицо! Что ты, милая? Что с тобой?

Варвара. Уйди, Елизавета!

Елизавета. Дать воды?

Варвара. У-уйди...

(*Елизавета бежит в буфет. Варвара несколько секунд стоит, закрыв глаза. Мелания и Павлин – из зала. Варвара скрывается в дверь направо.*)

Мелания. Жарко. Тошно. Надоело всё, обрыдло, ух! Сильную бы руку на всех вас...

Павлин (*вздыхнув*). «Векую шаташася языцы».

Мелания. Говорил с Прокопием?

Павлин. Беседовал. Натура весьма разнузданная и чрезмерно пристрастен к винопитию...

Мелания (*нетерпеливо*). Для дела-то годится?

Павлин. Ничем не следует пренебрегать ради просвещения заблудившихся, но...

Мелания. Ты – прямо скажи: стихи-то подходящи?

Павлин. Стихи вполне пригодны, но – для слепцов, а он... зрячий...

Мелания. Ты бы, отец Павлин, позвал бы к себе старика-то Иосифа, почитал бы стихиры-то его да и настроил бы, поучил, как лучше, умнее! Душевная-то муть снизу поднимается, там, внизу, и успокаивать её, а болтовнёй этой здесь, празднословием – чего добьёмся? Сам видишь: в купечестве нет согласия. Вон как шумят в буфете-то...

Павлин (*прислушиваясь*). Губин бушует, кажется. Извините – удаляюсь.

(Открыл дверь в зал, оттуда вырывается патетический крик: «Могучая душа народа...» Из дверей буфета вываливаются, пошатываясь, Губин, Троеруков, Лисогонов, все выпивши, но – не очень. Мокроусов, за ним старичок-официант с подносом, на подносе стаканы, ваза печенья.)

Губин. Чу, орут: душа, души... Душат друг друга речами. И все – врут. Дерьмо! А поп огорчился коньяком – даже до слёз. Плачет, старый чёрт! Я у него гусей перестрелял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.